

**Павел Александрович
АСТАФИЧЕВ,**

профессор кафедры
конституционного
и международного права
Санкт-Петербургского
университета МВД России,
доктор юридических наук,
профессор
[pavel-astafichev@
rambler.ru](mailto:pavel-astafichev@rambler.ru)
198206, Россия,
г. Санкт-Петербург,
ул. Летчика Пилутова, д. 1

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРАВДА КАК КАТЕГОРИЯ СОВРЕМЕННОГО КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА: ОПЫТ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПОПРАВК 2020 г.

Аннотация. Статья посвящена исследованию ряда проблем, связанных с конституционными изменениями в российском правовом порядке от 2020 г. Автор доказывает, что ч. 3 ст. 67.1 Конституции РФ, установившая юридическую необходимость «обеспечения защиты исторической правды», действует во взаимосвязи с конституционными правами на свободу научного творчества, свободу мысли и слова, принципом идеологического многообразия и демократическим характером российской государственности. Право граждан на собственную позицию по историческим вопросам и поиск своей «исторической правды», которая не может быть юридически предписана извне в форме государственно обязательных идеологических установлений, следовала из действовавшего конституционного регулирования до конституционных поправок от 2020 г. и продолжает действовать сегодня в силу неизменности глав 1, 2 и 9 Конституции РФ.

Ключевые слова: история государства и права, право, конституция, конституционализм, права человека, идеология, идеологическое многообразие, историческая правда, демократический строй.

DOI: 10.17803/2311-5998.2021.81.5.116-121

PAVEL A. ASTAFICHEV,

Professor, Department of Constitutional and International Law
of the St. Petersburg University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,

Dr. Sci. (Law), Professor
nrasuvaev@yandex.ru

1, ul. Pilot Pilyutov, Saint Petersburg, Russia, 198206

HISTORICAL TRUTH AS A CATEGORY OF MODERN CONSTITUTIONAL LAW: ON 2020 CONSTITUTIONAL AMENDMENTS

Abstract. The article is devoted to the study of a number of problems associated with constitutional changes in the Russian legal order from 2020. The author proves that part 3 of Art. 67.1 of the Constitution of the Russian Federation, which established the legal necessity of “ensuring the protection of historical truth”, operates in conjunction with the constitutional rights to freedom of scientific creativity, freedom of thought and speech, the principle

of ideological diversity and the democratic nature of Russian statehood. The right of citizens to their own position on historical issues and the search for their "historical truth", which cannot be legally prescribed from the outside in the form of state-binding ideological provisions, followed from the existing constitutional regulation until the constitutional amendments of 2020 and continues to operate today due to the invariability of the chapters 1, 2 and 9 of the Constitution of the Russian Federation.

Keywords: *history of state and law, law, constitution, constitutionalism, human rights, ideology, ideological diversity, historical truth, democratic system.*

Понятие правды и ее смысл — одна из ключевых социально-философских проблем, над разрешением которой билось не одно поколение цивилизованного человечества. В сущности, это системообразующий вопрос в юридической теории, законодательстве и правоприменительной практике:

- поиск «правды» в нормативном выражении — то, к чему вообще стремятся позитивно настроенные юристы-теоретики и правоведы-практики;
- правда — то же, что и право (в объективном смысле) и справедливость¹.

Конституция исходит из существующих «правил справедливого поведения»².

К достижению правды, права и справедливости нужно стремиться, иногда к этому можно приблизиться и даже в определенной степени этого можно ненадолго достигнуть, но объявлять что-либо безусловно правдой было бы весьма опрометчиво со стороны критически настроенного к себе деятеля и вообще мыслящего индивида. Русскоязычный термин «правда» имеет еще одно значение — противоположность лжи. Это вопрос об истине, достоверности фактов, исключении мистики и вымыслов.

Нуждается ли «историческая правда» в защите?

В некоторой степени, да. Если исследователю препятствуют в доступе к информации, ее свободной интерпретации и доведении до сведения общественности — противоправно нарушаются или правомерно ограничиваются конституционные права на информацию, свободу мысли и слова. Информация о государстве не может быть совершенно общедоступной. Иное нарушало бы режим государственной тайны, препятствовало общепризнанным мировым сообществом гарантиям национальной безопасности каждой из стран — участниц международного взаимодействия.

¹ См.: Борисов В. А., Синютин С. С. Фальсификация исторической правды в год 70-летия Великой Победы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : История России. 2015. № 4. С. 155—163 ; Бояршинова И. М. Историческая правда о Второй мировой войне как фактор становления мировоззрения современной молодежи // Современные научные исследования и разработки. 2016. № 5. С. 25—30 ; Гуц А. К. Миф о свободе восстановления исторической правды // Математические структуры и моделирование. 1998. Вып. 1. С. 4—12.

² Исаев И. А. Основная норма («скрижали революционного закона») // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 8. С. 30.

Установление правомерности или противоправности соответствующих законодательных ограничений в демократическом обществе составляет компетенцию конституционного правосудия, будь оно специализированным в виде организационно обособленного конституционного суда или относящимся к сфере деятельности судов общей юрисдикции.

Вправе ли государство в лице его уполномоченных органов притязать на установление «исторической правды»?

При кажущейся очевидности отрицательного ответа на поставленный вопрос, по крайней мере в конституционно-правовом измерении, нетрудно заметить, что Российское государство практически всегда это делало, причем стремилось придать этому именно государственно-правовой характер. Киевская Русь, татаро-монгольское иго, Московское царство, императорско-петровский период, Советская Россия и современное общество никогда не отличались гармоничной государственно-методологической преемственностью. Скорее, напротив — это были совершенно «разные России», которые относились с явной непримиримостью к своему прошлому. Вслед за этим каждая из вышеназванных «Россий» вырабатывала свою идеологически ориентированную «историческую правду», основной смысл которой сводился к принижению достижений предыдущих правителей и адекватному возвышению величия действующей власти.

В связи с этим выглядит довольно спорным положение ч. 2 ст. 67.1 Конституции РФ об «объединении тысячелетней историей», о «сохранении памяти предков» и особенно — о «преемственности в развитии Российского государства». Россия как государство действительно объединена более чем тысячелетней историей, но ее исторический генезис был весьма дискретным. Можно ли при такой степени прерывности (Киевская Русь, татаро-монгольское иго, Московское царство, императорско-петровский период, Советская Россия и современное общество) требовать на конституционном уровне признания «преемственности» в развитии, тогда как дискретность была едва ли не главной особенностью отечественной политической истории? Иначе говоря, наше поколение конституционно обязывается быть «преемственным, уважая волю предков», в то время как сегодня исторически точно известно, что многие наши предки преемственность вовсе не ценили и предпочитали путь дискретного развития, отрицающий историческую преемственность и уважение воли предков.

Должны ли мы почитать гипотетическую позицию прежних поколений, если они волю своих предшественников ценили совсем не так, как нам сегодня хотелось бы вследствие конституционных установлений 2020 г.?

Все это, в конечном итоге, ведет к ненужной сакрализации истории государства, глубоко чуждой подлинной юридической сущности конституционного строя современного демократического общества и объективности историко-правовой науки.

Конституционная демократия базируется на воле и потребностях сегодняшнего поколения людей. Прошлое, конечно, имеет определенное значение, но оно не может считаться решающим. Общество меняется, а вслед за этим должны корректировать свою позицию правящие политические силы, представляющие интересы электората вследствие очередных выборов. В период горбачевской «перестройки» россияне жаждали единения с мировым сообществом с той же ортодоксальностью, с какой они сегодня предпочитают национальную идентичность и

патриотизм в государственном строительстве. Аналогичным образом меняются и другие предпочтения избирательного корпуса, что должно сопровождаться гибкой государственной политикой. Чрезмерная увлеченность традициями и историческим прошлым чревата стагнацией, застоем или даже деградацией государственного механизма.

Часть 3 ст. 67.1 Конституции РФ упоминает о необходимости «обеспечения защиты исторической правды» в контексте двух близких по смыслу установлений: обязанности «читать память защитников Отечества» и не допускать «умаления значения подвига народа при защите Отечества».

Означает ли это, что «обеспечение защиты исторической правды» сводится, главным образом, к военно-исторической тематике?

Более того, анализ литературы по этому поводу показывает, что значительное число авторов вообще понимают «историческую правду» только как «правду о Великой отечественной войне». Логично предположить, что пропагандистская машина ряда зарубежных стран действительно стремится к пересмотру сложившейся исторической трактовки некоторых событий Второй мировой войны, что не всегда и не во всем соответствует геополитическим интересам современной России.

Однако означает ли это, что ч. 3 ст. 67.1 Конституции РФ юридически обязывает российских граждан непременно включиться в это информационное противоборство, причем именно на стороне российских интересов? Свобода научного творчества (ч. 1 ст. 44 Конституции РФ), свобода мысли и слова (ч. 1 ст. 29 Конституции РФ) предполагают как минимум право гражданина воздержаться от участия в подобной дискуссии, не говоря уже о праве индивида на самостоятельную оценку исторических фактов так, как он считает нужным без какого-либо юридически обязательного предписания извне.

Такова правовая суть конституционной свободы достойного человека, проживающего в демократической стране, поддерживающей ценности правового государства. Противоборство пропагандистских машин может осуществляться на основе добровольного, внеконституционного объединения соответствующих идеологов, но не вследствие юридической обязанности граждан на историко-правовую позицию в отношении итогов тех или иных политических событий прошлого.

Кроме того, ограничительное (если не сказать, усеченное) понимание ч. 3 ст. 67.1 Конституции РФ в контексте оценки лишь результатов Второй мировой войны свойственно далеко не всем авторам. Так, И. Д. Чечель ставит проблему «исторической правды» о сталинизме³, В. Г. Ольшевский — о величии «Красного Октября»⁴, А. В. Нифонтов — об отречении Николая II от престола⁵ и др.

³ Чечель И. Д. Заметки об исторической правде. «Сталинизм» // Горбачевские чтения. Проблемы внешней политики М. С. Горбачева. Перестройка как опыт преодоления тоталитаризма: выводы для будущего / под ред. О. М. Здравомысловой. М. : Горбачев-Фонд, 2003. С. 185.

⁴ Ольшевский В. Г. Повседневность как критерий полноты исторической правды: к оценке величия «Красного Октября» по Гамбургскому счету // Теория и практика современной науки. 2017. № 6. С. 609.

⁵ Нифонтов А. В. Отречение Императора Николая II: от мифологии к исторической правде или новым мифам // Романовские чтения. Центр и провинция в системе российской госу-

Во всех приведенных случаях авторы заявляют о необходимости установления «исторической правды», что неизбежно подпадает под предписания ч. 3 ст. 67.1 Конституции РФ и расширяет ее нормативный смысл за рамки как Второй мировой войны, так и вообще военно-исторической тематики.

Следовательно, ч. 3 ст. 67.1 Конституции РФ, возможно, даже вопреки желаниям и воле ее авторов, приобретает совершенно другое конституционно-правовое значение. Конституционный Суд РФ в заключении от 16 марта 2020 г. установил, что ч. 3 ст. 67.1 Конституции РФ не нарушает конституционный принцип идеологического многообразия, поскольку она не может толковаться как устанавливающая обязательную и государственную идеологию⁶. Но, к сожалению, ч. 3 ст. 67.1 Конституции РФ буквально прочитывается именно как «идеологическая». Заключение Конституционного Суда РФ в юридическом смысле действует в системном единстве с ч. 3 ст. 67.1 Конституции РФ, поэтому идеологическое толкование данной нормы будет противоправным.

Но в этом случае логично задать следующий вопрос: зачем тогда вообще в правовой системе появилась норма ч. 3 ст. 67.1 Конституции РФ? Если она «идеологическая», то это противоречит главе первой Конституции РФ вследствие правовой позиции Конституционного Суда РФ, если же она «не идеологическая» — то это лишено какого-либо юридического смысла. Можно ли как-либо иначе, чем «идеологически», понять конституционное требование об «обеспечении защиты исторической правды»?

На основании изложенного считаем возможным сформулировать следующие обобщения и выводы. Часть 3 статьи 67.1 Конституции РФ, установившая юридическую необходимость «обеспечения защиты исторической правды», заслуживает главным образом критической оценки в контексте ее соотношения с

дарственности. Кострома : Костромской государственный университет имени Н. А. Некрасова, 2009. С. 317.

⁶ Конституционный Суд РФ установил буквально следующее: «Включение данных положений в текст Конституции РФ не может рассматриваться как несовместимое с положениями глав 1 и 2 Конституции РФ, в частности ее статей 1, 13, 14, 28 и 29, поскольку, будучи призванными отразить содержательную направленность и конституционно-правовые условия деятельности органов государственной власти Российской Федерации и в значительной степени — субъектов Российской Федерации, предлагаемые нормы носят неполитический, надпартийный и внеконфессиональный характер и не могут рассцениваться, толковаться и применяться как устанавливающие государственную или обязательную идеологию, изменяющие принципы плюралистической демократии и светского характера Российского государства, вводящие какие-либо недопустимые с точки зрения глав 1 и 2 Конституции РФ ограничения прав и свобод человека и гражданина и вмешательство в них». См.: Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-З «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации “О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти”, а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 12. Ст. 1855.

конституционными правами на свободу научного творчества, свободу мысли и слова, принципом идеологического многообразия и демократическим характером российской государственности. Право граждан на собственную позицию по историческим вопросам и поиск своей «исторической правды», которая не может быть юридически предписана извне в форме государственно обязательных идеологических установлений, следовала из действовавшего конституционного регулирования до конституционных поправок от 2020 г. и продолжает действовать сегодня в силу неизменности глав 1, 2 и 9 Конституции РФ.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Борисов В. А., Синютин С. С.* Фальсификация исторической правды в год 70-летия Великой Победы // Вестник Российского университета дружбы народов. — Серия : История России. — 2015. — № 4. — С. 155—163.
2. *Бояршинова И. М.* Историческая правда о Второй мировой войне как фактор становления мировоззрения современной молодежи // Современные научные исследования и разработки. — 2016. — № 5. — С. 25—30.
3. *Гуц А. К.* Миф о свободе восстановления исторической правды // Математические структуры и моделирование. — 1998. — Вып. 1. — С. 4—12.
4. *Исаев И. А.* Основная норма («скрижали революционного закона») // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2018. — № 8. — С. 20—33.
5. *Нифонтов А. В.* Отречение Императора Николая II: от мифологии к исторической правде или новым мифам // Романовские чтения. Центр и провинция в системе российской государственности. — Кострома : Костромской государственный университет имени Н. А. Некрасова, 2009. — С. 317—328.
6. *Ольшевский В. Г.* Повседневность как критерий полноты исторической правды: к оценке величия «Красного Октября» по Гамбургскому счету // Теория и практика современной науки. — 2017. — № 6. — С. 609—627.
7. *Чечель И. Д.* Заметки об исторической правде. «Сталинизм» // Горбачевские чтения. Проблемы внешней политики М. С. Горбачева. Перестройка как опыт преодоления тоталитаризма: выводы для будущего / под ред. О. М. Здравомысловой. — М. : Горбачев-Фонд, 2003. — С. 185—195.

